

На правах рукописи

Борисов Николай Андреевич

СМЕРТЬ КАК ПРЕДМЕТ СОЦИАЛЬНОЙ ФИЛОСОФИИ

Специальность 09.00.11 – Социальная философия

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата философских наук

Москва – 2019

Работа выполнена на кафедре «Теория и практика социальной работы» Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Пензенский государственный университет»

Научный руководитель: **Скороходова Татьяна Григорьевна**, доктор философских наук, кандидат исторических наук, доцент.

Официальные оппоненты: **Рашковский Евгений Борисович**, доктор исторических наук, главный научный сотрудник ФГБНУ «Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова РАН»;

Артёменко Наталья Андреевна, кандидат философских наук, доцент кафедры культурологии, философии культуры и эстетики ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет».

Ведущая организация: ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский Томский государственный университет».

Защита состоится «22» октября 2019 года в 17:00 часов на заседании диссертационного (шифр Д.002.015.02) при Институте философии РАН по адресу: 109240, Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке и на сайте Института философии РАН

Автореферат разослан « _____ » _____ 2019 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета,
кандидат философских наук

Б. В. Подорога

I. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ДИССЕРТАЦИИ

Актуальность темы исследования. Смерть, занимая особое место в общественном сознании и бытии, представляет собой объект, наименее доступный познанию. Физическая смерть является не просто завершением жизненного цикла организма, но также предметом социальной рефлексии, которая выражается в отношении общества к смерти и умершим, выстраивании «политики памяти» при обращении к прошлому, а также социальной жизни в настоящем и разработке проекта будущего развития общества. Понимание социального характера смерти, прежде всего отображённого в представлениях о ней, делает возможным её социально-философский анализ, тем более что в обществе без осознанной перспективы смерти нет необходимости ни в размышлении о жизни, ни в попытках её изменения. Смерть именно в своём социальном измерении, проявляющемся в конкретном социальном поведении по отношению к смерти и жизни, становится предметом социально-философского анализа.

Существующие кризисные тенденции в обществе сигнализируют о кардинальном изменении представлений о смерти. Она становится объектом политических и духовных спекуляций, поскольку традиционные представления о приготовлении к смерти входят в конфликт с легкой смертью – быстрым умиранием, не оставляющим возможность для прижизненных размышлений о смерти. Религиозная эсхатология как жизнь духа после смерти теряет свою значимость для общества, но «продажа бессмертия» как продление физического существования становится наиболее востребованной. Равенство в смерти (как неизбежного финала человеческой жизни) было очевидно для людей любой эпохи, но неравенство перед смертью оказывается значительным именно для современности, где углубляется неравенство людей в доступе к «благам бессмертия» – качественной медицинской помощи, дорогостоящим препаратам поддержания и продления жизни, а в дальнейшем и продуктам генной инженерии.

Актуальность избранной темы определяется уникальностью социальной жизни современного человека, находящегося в ситуации экзистенциальной пассивности, которая заметно влияет на всю систему общественных отношений и формирует «общество риска»: в быстро меняющихся экономических, политических и культурных условиях теряется смысл деятельности и недооценивается феномен смерти как значимая проблема общественной рефлексии. Смерть с социально-философской точки зрения позволяет ставить вопрос об определении места человека в обществе, ценности жизни и смысле его смерти. В то же время применительно к российскому обществу – как на уровне науки, так и в социальной практике – не выработан язык общения на тему смерти, не созданы условия для оценки роли смерти в осмыслении социальности, переживании историчности человека в постоянно меняющихся условиях

социального и технологического развития. Общество заинтересовано в стабильной системе понимания смерти, развитии форм общения на тему смерти и объективной оценке будущего общества, качественного изменения существующих условий жизни.

Это создает необходимость выявить место представлений о смерти в структуре жизненного мира, где параллельно действуют, с одной стороны, процессы *табуирования* темы смерти – игнорирование в спектре восприятия и перенос ее за рамки общественного сознания и бытия, а также, с другой стороны, *растабуирования* – повышенный интерес к теме смерти, деталям умирания, формирование гедонистической установки по отношению к деструктивным процессам в жизни общества и отдельного человека, что наблюдается в распространении образцов антивиталяного поведения (суицидального и деструктивного), особенно среди несовершеннолетних. Также сегодня в условиях повышения социальных рисков в российском обществе важно дать оценку массовой смерти, ее связи с ростом социальной напряженности и вопросами социальной безопасности.

Отличие социально-философского подхода от других подходов в социально-гуманитарных науках обусловлено необходимостью дать конкретный социальный ответ на происходящие в обществе изменения, определить направления изменений в социальной политике и связь особых «танатических вопросов» (эвтаназия, аборты, суициды и др.) со структурами жизненного мира современного человека.

Степень разработанности проблемы. Первые попытки научного объяснения феномена смерти связаны с исследовательской деятельностью и практикой врачей (физиологов, анатомов, а позднее психиатров) – М. Биша, К. Бернара, И. И. Мечникова, Г. В. Шора, З. Фрейда, С. Шпильрейн, В. Штекеля, П. Федерна, пытающихся найти «естественное объяснение» смерти, используя объективные научные данные.

Естественнонаучное направление позволило раскрыть функцию смерти в жизнедеятельности организма и бессознательную символическую структуру смерти, но оставило не проясненной историческую судьбу феномена смерти, её социальную природу и роль в обществе. Функциональное видение феномена смерти лишено социокультурного измерения, а представления о жизни и смерти ограничиваются лишь функциями системы организма – восстановление (Эрос) и распад (Танатос), закрепляя в общественном сознании, в частности – науке, дуализмы подобного рода. Но смерть – это не только акт прекращения жизни, а важный культурообразующий элемент.

Культурологическое направление, как и социокультурное измерение смерти связано с изменениями, происходящими в культуре XIX в., которые Ф. Ницше обозначил как *décadence* – испорченность культуры, устанавливающей ценности упадка или нигилистические ценности. История снова обретает своё эсхатологическое измерение, которое

отличается уже не теологическим, а культурологическим содержанием. О. Шпенглер, Ф. Фукуяма, М. Фуко, Р. Барт определяли высокое значение смерти как топоса культуры.

Е. Б. Рашковский обращает особое внимание на «номос» истории – стремление к бессмертию является определяющим для человеческого существования, мысли и культуры. Это означает, что пока есть смерть – будет и причина для исторической рефлексии. История продолжается, но в качественно иной ситуации. Представления о смерти становятся важной отправной точкой социально-исторического дискурса. Важнейшую роль начинает играть историческое исследование ментальности – М. Вовеля, Ф. Арьеса, Ж. Ле Гоффа, Дж. Горера. С позиции этих ученых, в ментальности сокрыт глубокий символизм смерти.

На современном этапе развития социально-гуманитарной мысли устоялось убеждение, что тема смерти изгнана из современного общества, – это показано в исследованиях Л. Тома, Э. Морэна, Х. Ф. Мора, К. Эксли. Недавние исследования М. Блэк и А. Эткинды указывают на коллизии в переживании скорби в масштабе целого государства (на примере Германии и СССР). Но как эти работы, так и культурологическое направление в целом, концентрируясь на культурных и политических аспектах представлений о смерти как самоцельных, упускают из вида социальность смерти – её структурирующее влияние на все жизненное пространство, избираемые ценности в обществе.

Социально-философское направление определяется интересом к феномену смерти главным образом у социологов и философов. Изначально наибольшее внимание социологов привлекала тема суицида (Э. Дюргейм, П. А. Сорокин). Современный корпус работ, посвященный суицидальной проблематике очень широк. С. С. Аванесов разрабатывает целое направление для танатической рефлексии – философская суицидология, в контексте которой категория «право на смерть» приобретает онтологический смысл, что нашло отражение в настоящем диссертационном исследовании и его категориальном аппарате. Благодаря работам У. Уорнера по социологическому измерению пространства кладбища получает своё развитие собственно прикладная танатосоциология без строгой привязки к суицидальной проблематике. Так, исследования З. Баумана Л. Бюзьера, А. Д. Соколовой посвящены эволюции погребальных обрядов и «моделей смерти», объясняемых с социологической точки зрения.

Особый вклад в социально-философское изучение смерти внесли философы-экзистенциалисты – Н. Ф. Фёдоров, С. Л. Франк, М. Хайдеггер, Н. А. Бердяев, Ж.-П. Сартр, Р. Мэй, П. Тиллих, А. Камю, К. Ясперс, В. Янкелевич, М. Мерло-Понти, П. Рикёр. Мыслители обращают особое внимание на событие смерти, пытаясь выявить его структуру и способы его представления в реальности. Постмодернисты Ж. Деррида, Ж. Бодрийяр, Ж. Делёз, М. Фуко рассматривают смерть как смысловую

игру, определившую «моду на смерть». Важной вехой в осмыслении смерти стал сборник «Значение смерти» под редакцией американского психолога Г. Файфела¹, который фактически создал основания для современной танатологии. В сборнике были представлены взгляды на проблему смерти философов (П. Тиллих, Г. Маркузе), учёных-теоретиков и практиков.

Заметного интереса к теме смерти в советской социальной философии не было, поскольку она более чем любой другой объект исследования связана с категориями религиозного сознания (сакральное, демоническое, греховное и др.) и чувствования, а также поддаётся политическим спекуляциям. Особую роль для социально-философского осмысления феномена смерти в постсоветский период сыграла Ассоциация танатологов в Санкт-Петербурге. Достойный вклад в развитие социально-гуманитарной танатологии внесли редакторы журнала «Фигуры Танатоса», действующего в период с 1991 по 2001 гг., – А. В. Демичев и М. С. Уваров.

В отечественной социальной философии интерес к феномену смерти неустойчив. Интерес непосредственно к теме смерти сформировался с конца 1980-х гг., вероятнее всего из-за демократизации науки, влияния западной мысли и науки, а также потребности в осмыслении недавнего исторического прошлого через новый социально-философский объект – смерть. Но примерно с 2010 года смерть как объект анализа вновь возвращается на периферию научного знания, а тема смерти фактически становится маргинальной. Насильственная сторона социальной реальности начинает выходить на первый план и требует все большего внимания со стороны исследователей в условиях возрастания социальных рисков и новых угроз социальной безопасности. Тема смерти уходит на второй план.

Отечественная социальная философия с конца 1990-х гг. развивала несколько направлений исследования: социально-философское исследование умирания и трансгуманистические проекты (Ю. А. Эппель, Д. А. Огранович, И. А. Ивченко, М. А. Антипов); истоки кризиса современного общества и отношения к смерти (Н. С. Шиловская, А. В. Гоголева, С. А. Поварницын, С. М. Башилова); изменения представлений о смерти в художественной литературе и связь смерти с социальным мифотворчеством (А. А. Польский, Е. А. Кленина, В. В. Минеев, С. Е. Каверина, Д. В. Матяш).

На сегодняшний день получают все большее развитие прикладные социологические исследования феномена смерти, результаты которых отражены в специализированном московском журнале «Археология русской смерти». Отметим серьёзное значение данного журнала как вероятно единственной оставшейся площадки для развития современной танатологической мысли в России, а также личный вклад создателя журнала – С. В. Мохова.

¹ Feifel H. The Meaning of Death. – New York: McGraw-Hill, 1959. – 351 p.

В основе большинства отечественных и зарубежных социально-философских исследований лежит интерес к истории смерти, где представления о смерти сводятся к категории отношения к ней, ментальности, социальным мифологемам, и применяется сравнительно-исторический или метод структурно-функционального анализа.

Проблема исследования определяется через понимание структурирующей роли смерти в общественной жизни человека. Жизнь современного человека в определенном смысле удлиняется, поскольку сегодня имеется больше возможностей для её изменений. Примеряя различные социальные роли, он может прожить множество жизней. Формируется своеобразная «жизненная экономика», которая в качестве морального императива предполагает максимизацию результатов от сегодняшнего дня, а в массовом сознании утверждается позиция – «живём один раз». У современного человека есть только настоящее, и он, на первый взгляд, не способен давать прогнозы своей жизни, утрачивая связь с ближайшим будущим. Но одновременно в обществе наблюдается расцвет «эсхатологического чувства» – переживание Апокалипсиса, смерти Бога и конца истории. Распространению этого чувства способствует всё большее развитие обезличенной социальной системы, в которой человек не находит себя. Образуются временные разрывы – потеря уважения к прошлому, традициям, которые связывали поколения.

Постоянно меняющиеся экономические, политические и культурные условия вводят в сознание людей двойственность – сохранение существующего положения вещей, стремление к комфорту и одновременно с этим – потребности в постоянном изменении среды, поиска новых впечатлений, в том числе воплощенных через антивитальное, суицидальное поведение. Под суицидальной активностью и поведением понимается рост интереса к суицидальным практикам и танатическому, что не всегда означает увеличение числа самих суицидов. Примером служит распространение «экстремального селфи», «групп смерти», различных девиантных практик. Данная ситуация не получает необходимого объяснения в современной исторической и социальной теории. В связи с этим необходимо построить модель анализа представлений о смерти, чтобы с помощью нее создать основы социальной онтологии смерти, проясняющей особенности развития феномена смерти в истории и современности в непосредственной связи с жизнью общества, жизненным миром.

Стимул социально-философской рефлексии образуется за счет единства временного и пространственного аспекта феномена смерти, которые позволяют объяснить происходящие в обществе изменения и выявить направления для его социального реформирования. *Социальная философия смерти* – это направление в развитии социально-философской мысли, призванное ликвидировать существующий пробел в данной отрасли науки, выстроив основы социальной онтологии смерти, еще не

созданной в настоящее время. *Социальная онтология смерти* – концепция понимания места и роли смерти в обществе через призму представлений о ней, их эволюции и формах воплощения в повседневной практике.

В качестве *объекта исследования* выступает смерть как социальный феномен, который занимает определяющее место в формировании социального пространства и стимулирует людей к реализации своего экзистенциального потенциала.

Предметом изучения становятся социально-философские аспекты образования и функционирования в обществе представлений о смерти, их влияние на повседневную жизнь и формирование моделей витального и антивитального поведения.

Степень изученности и актуальность темы позволяют определить *цель исследования*: выявить социальность смерти в пространстве-времени общества, её влияние на систему общественного взаимодействия, отношение к тем или иным ценностям (свобода, право на смерть, эсхатологическая надежда и др.), а также сформулировать основы социальной онтологии смерти.

Для достижения этой цели поставлены следующие *задачи*:

- разработать социально-философскую модель анализа представлений о смерти;
- определить интенциональное содержание события смерти;
- выявить образы смерти, проследив их историческую и социальную эволюцию в духе разных эпох;
- описать виды представлений, раскрывающие темпоральные свойства смерти;
- раскрыть роль смерти в общественном бытии современного общества;
- обозначить основы социальной онтологии смерти в перспективе будущего.

Методологические основы диссертации. Диссертационная работа предполагает изучение и описание опыта социального переживания смерти. Построение конструкта жизненного мира основывается на проекте феноменологической социологии А. Шютца, особом положении повседневности как первичной реальности, где отражены смыслы человеческой деятельности. При моделировании представлений о смерти использовались принципы социального конструкционизма, представленного у П. Бергера и Т. Лукмана. Теория социального действия М. Вебера использовалась как основа построения события и образа смерти, а метод идеальных типов при типизации представлений о смерти.

Возможности различного понимания события смерти в пространстве-времени общества изучаются при применении герменевтических разработок. Базовой категорией является интенциональность как направленность сознания на тот или иной объект с целью смыслопостижения, возникновения понимания и согласованного

действия-в-мире. Исследуются ассоциативные связи, символизм смерти, способы его отражения на социальном и историческом материале, что позволяет осуществлять герменевтические программы Ф. Шлейермахера, Х.-Г. Гадамера и В. Дильтея, а также герменевтическую феноменологию М. Хайдеггера. При рассмотрении опыта понимания смерти на Востоке использовались методологические принципы и положения исследований процессов понимания Другого Т. Г. Скороходовой.

Изменения представлений о смерти в связи с политическим и социокультурным фактором, постановкой проблемы свободы, ответственности, справедливости и насилия смерти изучаются с опорой на экзистенциальные разработки С. Кьеркегора, Ж.-П. Сартра, А. Камю, а также постмодернистские положения М. Фуко, Ж. Дерриды, Ж. Бодрийяра, раскрывающие способы бытия в отношении к смерти в связи прошлого, настоящего и будущего общества. Эти способы определяют особое чувство будущего современного человека в условиях табуирования и растабуирования темы смерти, ускорения темпа жизни и потери смысла жизни.

Новизна исследования Научная новизна диссертации обусловлена отсутствием социально-философского исследования структурирующего влияния, которое смерть оказывает на жизненный мир, а также потребностью в разработке модели, способной объяснить те изменения, которые происходят в обществе и связаны с изменением представлений о смерти – рост конфликтов, экстремизма, терроризма, суицидальной активности и др.

В диссертации получены следующие **основные научные результаты**:

- разработана модель анализа представлений о смерти, которая компенсирует ограниченность существующих методологических подходов;
- смерть впервые проанализирована как социальный феномен на основе разработанной модели, в которой используется конструкт жизненного мира для определения изменений, происходящих в обществе на уровне свободы, индивидуализации и понимания солидарности;
- выявлено структурирующее значение смерти для жизненного пространства как стимула смыслопорождающей деятельности и переосмыслено содержание современных социальных проблем;
- показана преемственность между прошлым, настоящим и будущим феномена смерти в обществе, при этом сделан акцент на чувстве времени, эсхатологических предпочтениях людей в условиях нарастания рисков и кризисных тенденций;
- объединены пространственная и временная характеристика смерти, определены виды представлений о смерти;
- привлечён опыт повседневности для выявления тенденций в развитии феномена смерти в общественной жизни и предложены направления

реформирования общества в связи с ростом суицидальной активности, тоталитарных и клерикальных настроений.

Основные положения и выводы исследования не только углубляют имеющееся знание о феномене смерти в жизни общества, но и представляют возможности обогащения философского, социологического и культурологического понимания социокультурных процессов, связанных с изменениями представлений о смерти.

Положения, выносимые на защиту:

1. Событие и образ смерти являются двумя компонентами представлений, в которых проявляется *социальность смерти* – социальное узаконивание смерти, осознание смерти другими людьми, их участие в событии смерти, а также усилия, направленные на поддержание социального существования умершего. Полная и необратимая утрата умершего в физическом плане восполняется в социальном. Бытие мертвого продолжается в интенциональных актах воспоминания – реконструкциях прошлого, воображения – эсхатологических сценариях и восприятия – социокультурной практике.

2. Интенциональное содержание события смерти – это сумма тех различных направленностей сознания на смерть, которые формируют социальную общность по поводу смерти. В составе события смерти имеются два компонента. В *«нормативном»* отражены способы отношения к смерти, с помощью которых общество регулирует «правильность» переживания утраты человека: продолжительность траура, эмоциональное поведение, похоронную речь. В *«индивидуальном компоненте»* учитывается личный опыт смерти (пограничные состояния в периоды болезней, сильных потрясений), частота мыслей о смерти и способы её осмысления, а также значимость утраты, которая не всегда соответствует общераспространённым взглядам. В массовом сознании преобладает действие «нормативного компонента», а в условиях современности «индивидуальный компонент» остается практически не развитым и существует лишь в границах маргинального интереса. Общество объявляет событие смерти асоциальным и требует как можно более быстрого его разрешения («быстрая скорбь»), скорейшей социальной реинтеграции «сообщества скорбящих» в активную социальную деятельность.

3. Изменения представлений о смерти определяются сменой доминирующих в различные исторические периоды образов смерти, которые обуславливают поведение людей по отношению к смерти, структурируя и организуя событие смерти, обозначая мотивы витального и антивитального поведения. Каждый образ предполагает акцент на той или иной интенции. *Жертвенный* образ связан с моментом смерти, возможностью проявить последний героизм перед лицом смерти во благо социальной целостности; жизнь ценна, пока и поскольку нравственна. *Праведный* образ – с умиранием, приготовлением к вечной жизни, социально совершенной; жизнь – это дар Творца, который человек не

вправе отвергнуть. *Рациональный* образ акцентирует жизнь до смерти, обустройство существующего социального мира; жизнь ценна, поскольку имеет рациональный способ организации. *Романтический* образ ориентирован на жизнь после смерти, мотивированной стремлением к воссоединению со своими близкими; жизнь приобретает ценность благодаря людям, способным её совместно разделить. *Насильственный* образ связан со смертью после смерти, её обесмысливанием, растворением человека в социальном и обесцениванием жизни.

4. Смерть неотделима от истории общества. С одной стороны, сопровождая всю социальную эволюцию, она являлась индикатором изменений, происходящих в общественном бытии, наполняла жизненное пространство своими символами. С другой стороны, история смерти как выражение её временных свойств имеет явную связь с социальной жизнью, которая сегодня ориентирована не на прошлое (*бытие-без-смерти*) или будущее (*бытие-к-смерти*), а на настоящее (*бытие-от-смерти*), в котором временные разрывы образуют общество постоянного кризиса и риска. В современности смерть теряет свои сакральные качества и начинает преобладать секуляризованная смерть, в которой сакральное заменяется социальным, а страх умирания занимает доминирующее положение в общественном сознании.

5. В современном обществе распространяется социальное бессмертие как аналог личного (значительно утратившего сегодня своё значение) и результат распространения нигилизма и безразличия по отношению к посмертной судьбе – в условиях тех катастрофических событий, с которыми людям пришлось столкнуться в XX в. Это нашло выход в переживаниях людей XXI в., предпочитающих реальность социального эскапизма (растворения в социальном, массовой культуре и быту) возможности построения «идеального общества» (демократического, коммунистического). Необходимо провести трансформацию общественного сознания, благодаря чему смерть должна стать осознанной проблемой общественного бытия, что подразумевает снятие табу с темы смерти, а также пересмотр ключевых аспектов социального в пользу дружественной кооперации между людьми в обществе. Трансформации сознания общества в этом направлении может способствовать восстановление связи между поколениями; использование системы образования и социального обслуживания для активизации солидарных связей и передачи танатологического знания; поддержание современного искусства, вскрывающего наиболее острые проблемы общественного развития, и демонстрирующего восприятие смерти с позиций современного человека; философско-правовое исследование категории «право на смерть» и её правоприменительного потенциала; дальнейшее развитие танатологии как науки.

6. В рамках современной социальной онтологии смерти на фоне табуирования темы смерти присутствует рост тоталитарных, клерикальных

и традиционалистских настроений, которые не просто не способны приостановить рост суицидальной активности, а становятся одной из причин ее формирования, предопределяя пессимистические сценарии развития общества в условиях гегемонии социального. Ситуация замалчивания смерти способствует тайному влечению к ней, фантазированию по поводу своей или чужой смерти, поощряя суицидальное поведение и открывая путь к многочисленным социальным девиациям. По мере расширения интернет-пространства в жизненном мире людей, развитие получает образ виртуальной смерти или псевдосмерти, лишенной сакральных черт. Страх перед смертью усиливается настолько, что любая физическая или душевная боль становится непереносимой, требуя немедленного избавления.

Теоретическая и практическая значимость исследования.

Предложенная в диссертации социально-философская модель анализа представлений о смерти может использоваться как методологический инструмент социальной философии, а также при проведении прикладных социологических исследований, направленных на исследование элитарных, массовых и маргинальных представлений о смерти на разных уровнях общества. Помимо этого, модель можно применять к другим объектам исследования социальной философии и социально-гуманитарных наук, требующих минимизировать дистанцию между исследователем и его объектом: переживание террористической угрозы, сакральное пространство ценностей и др. В социально-практическом смысле выводы диссертационного исследования могут быть полезны при разработке технологий социальной помощи несовершеннолетним, склонным к девиантным практикам, в том числе суицидальному поведению.

Диссертационное исследование вносит вклад в развитие социальной танатологии как перспективной научной дисциплины, способной пересмотреть многие социальные проблемы современного общества, что дает стимул для социальных преобразований, изменений в социальной политике. Материалы диссертации могут быть использованы в исследованиях по социальной философии и социально-гуманитарной танатологии, посвященных развитию феномена смерти в истории и современности, а также при подготовке учебных программ, лекционных курсов и учебников по философии, социологии и религиоведению.

Апробация предварительных результатов исследования происходила на международных и всероссийских научных конференциях: «Человек, общество и государство в современном мире» (г. Пенза, апрель 2016 г.), «Философия времени: онтологические начала и ценностные дискурсы» (г. Саратов, октябрь 2016 г.), «Человек в мире. Мир в человеке» (г. Пермь, ноябрь 2016 г.), «Сакральное в постсекулярном мире» (г. Ростов-на-Дону, май 2017 г.), «Человек и общество в контексте современности» (г. Москва, июнь 2017 г.). Основные результаты и положения диссертации отражены также в публикациях автора – журналах, рекомендованных ВАК,

сборниках международных и всероссийских конференций. Результаты исследования непосредственно применяются автором в профилактической работе в качестве специалиста по социальной работе отделения социальной помощи семьям с несовершеннолетними детьми МБУ «Комплексный центр социальной помощи семье и детям» Первомайского района г. Пензы. Концепция образов смерти и видов представлений о смерти послужила основой для лекций с учащимися общеобразовательных учреждений по профилактике суицидального поведения среди подростков. Интерпретация события смерти стала основой для театротерапевтических постановок с детьми.

Диссертация обсуждена и рекомендована к защите на заседании кафедры «Теория и практика социальной работы» Пензенского государственного университета 1 февраля 2019 г.

Структура исследования. Текст диссертации включает в себя введение, две главы, заключение и список литературы. Объем работы – 149 страниц. Список литературы включает 208 наименований.

Источники. В качестве источниковой базы исследования послужили религиозно-философские тексты народов Востока и Запада; тексты завещаний с периода Средневековья до эпохи Романтизма; классические произведения зарубежной и русской художественной литературы; труды античных, средневековых и ренессансных философов, а также труды философов Просвещения и труды экзистенциалистов XX в.; антиутопическая и современная популярная литература.

II. ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ

Во **Введении** обоснована актуальность темы; определена степень её разработанности; сформулированы объект и предмет, а также цели и задачи диссертации; обоснован выбор методологии и методов исследования; обозначена научная новизна, теоретическая и практическая значимость результатов исследования.

Первая глава «Теоретико-методологические основы социально-философского анализа представлений о смерти» посвящена разработке модели анализа представлений о смерти, а также описанию пространственного и временного аспекта феномена смерти.

В **первом параграфе «Социально-философский подход к исследованию представлений о смерти»** рассмотрены основные трудности в определении смерти как объекта познания и их преодоление в контексте социальной философии. Смерть реально не существует, но это никак не противоречит тому, что она может быть представлена в нашем сознании и обозначена в границах социального мира в качестве события.

Феномен смерти поддается изучению со стороны истории, что позволяет говорить об истории смерти и моделях её представления. *Первая модель – экономическая* (М. Вовель). Её положительная сторона состоит в

определении различий в социально-экономических условиях и их корреляции с символическими программами смерти. Но в то же время упускаются из вида особенности каждой эпохи и социальный контекст формирования представлений о смерти. *Вторая – историко-эволюционная модель* (Ф. Арьес). В ней смерть рассматривается как длительное и почти незаметное изменение в коллективных чувствах в отношении к смерти. Здесь видна более четкая типизация и последовательное историческое моделирование ментальности. Но отношение к смерти у элиты берется за образец при рассмотрении той или иной эпохи, а народ оказывается неспособным производить собственные смыслы в отношении к смерти. *Третья – модель нравственного отношения к смерти* (Ж. Ле Гофф, Дж. Горер). Исследование феномена смерти здесь затрагивает скорее педагогические цели. Происходит идеализация традиционного отношения к смерти с целью формирования этического послания современности.

Учитывая достоинства и недостатки моделей, историю смерти (её образ в той или иной эпохе) предложено изучать в связи с событием смерти и его интенциональным содержанием. Для осуществления исследования необходимо разделить представления по субъекту – на *массовые, элитарные и маргинальные*; по мировоззренческому принципу на *атеистические и религиозные*.

Представления о смерти – совокупность общепринятых взглядов, разделяемых обществом в целом, а также отдельной социальной группой и индивидом в отношении смерти в конкретных исторических условиях и жизненных обстоятельствах с учетом мировоззренческих компонентов (мифологического, религиозного, атеистического, научного и др.).

В моделировании представлений о смерти важную роль играет выполнение каждого этапа. *Первый этап* состоит в максимально полном описании пространственных и временных параметров смерти, переживаний и связанных с нею форм социальной активности. *Второй этап* позволяет обнаружить компоненты, или интенциональные акты, лежащие в основании события смерти (направленность сознания на смерть). Во время *третьего этапа* выявляется темпоральный аспект смерти – образ смерти в духе эпохи или история смерти; формируется типология образов. На *четвёртом этапе* объединяются событие и образ смерти в виды представлений о смерти. Завершается исследование созданием основ социальной онтологии смерти.

Во **втором параграфе «Интенциональное содержание события смерти»** обосновывается положение о том, что смерть в повседневном мире встречается как событие и наполняется своим интенциональным содержанием. Если физическая смерть окончательно прерывает жизнь без возможности продолжения, то с социальной точки зрения человек не перестает быть, хотя факт его смерти неоспорим. Похоронные церемонии, обустройство места на кладбище, «дни памяти» не только свидетельствуют

о чувстве долга и ответственности перед умершим, но и продолжают его жизнь после смерти.

Социальная эсхатология закрепляет жизнь в памятниках социального пространства, домашних вещах, а также воспоминаниях, проекциях и воображении людей. Благодаря такой связи мира живых и мира мертвых человек не уходит безвозвратно. Более того, физическая смерть должна быть социально зафиксирована, то есть представлять собой событие. В этом проявляет себя социальность смерти. Человек не только живет, но и умирает как социальное существо вблизи «своих» (родственников, друзей) и «чужих» (врачей, обслуживающего персонала). Даже если сам момент смерти человек встречает один на один с собой – это не отменяет того социального значения, которым его смерть будет непосредственно наделяться (что находит выражение в похоронных обрядах и не только в них).

Привлечение текстуального обзора опыта смерти позволяет определить в событии смерти две стороны. Фактическая сторона – это событие как свершившийся факт смерти человека, факт, зафиксированный в качестве рассказа и упоминаний, встречающихся в газетах, прочитанного некролога и др. И социальная сторона – как со-бытие людей друг с другом, в котором резонирующий эффект от смерти распространяется на социальную практику в целом. Приведенные примеры из записей М. И. Цветаевой, а также произведений Маркиза де Сада, Л. Н. Толстого, М. Монтеня, А. Камю, Ж.-П. Сартра и Ф. Ницше показывают, как встречаются различные эсхатологические сценарии в социальной плоскости, и образуется специфическая солидарность между живыми, а также живыми и мертвыми, изменяется видение смерти в зависимости от преобладания «нормативного» и «индивидуального» компонента в событии смерти.

Интенциональное содержание события смерти – это сумма тех различных направленностей сознания на смерть, которые формируют социальную общность по поводу смерти. В свою очередь, эта общность образует представления, распространяющиеся на различные области социального с помощью форм общественного сознания, которые корректируют образ смерти, способствуют преодолению табу темы смерти, служат препятствием, способом сокрытия или замещения смерти. Представления о загробной жизни часто отображают социальную жизнь и её скрытые проблемы в самых различных формах.

В третьем параграфе «Темпоральный аспект феномена смерти и типология образов смерти» производится изучение символических значений смерти и герменевтический анализ текстов. В качестве критериев для образования типологии исторически меняющихся образов смерти были избраны: 1) «нормативный» компонент в представлении о смерти, её рассмотрение в качестве добра или зла; 2) принадлежность человека той или иной высшей по отношению к нему силе (государство, Бог и др.); 3) эсхатологические предпочтения общества; 4) право на смерть (отношение

к самоубийству); 5) сакрализация и секуляризация смерти. На основании данных критериев предложены пять условных образов смерти, преобладающих в сознании обществ в определённые периоды их истории и сменяющих друг друга по мере трансформаций общественного бытия, ценностного отношения к жизни. Это образы смерти жертвенной, праведной, рациональной, романтической и насильственной.

Исторически первым стал *образ жертвенной смерти*. Несмотря на схожесть архаических и традиционных представлений о смерти, для последних свойственно наполнять смерть социально-этическим содержанием, рассматривать её как «условное добро» – проявление героизма, жертвенности. Если для архаики характерна ритуальная жертва, социально не осознанная, то для традиционных обществ речь идет о социальной жертве (осознанной и принимаемой смерти). Роду однозначно подчинялись без каких-либо вопросов, в отличие от государства, во благо которого жертва сама должна понимать всю необходимость и пользу жертвоприношения. В последнем случае начинает действовать этический мотив и рациональные схемы объяснения. Ценность жизни определилась в большей степени способностью выполнять свои социальные и/или гражданские обязанности, соблюдать нравственный образ жизни. И при отсутствии возможности их исполнения жизнь теряла свою ценность, поэтому общество оправдывало самоубийство из чести в качестве нравственного долга и очистительной жертвы.

Средневековье вносит свои коррективы в образ смерти, отличаясь от архаических и традиционных представлений тем, что смерть становится влечением к подлинному миру, богатство которого может быть познано только вследствие праведной жизни и смерти – «*правильного умирания*». Акцент делается не на миге смерти, а на процессе умирания. На смену образу жертвенной, в том числе героической, смерти приходит *образ праведной смерти*. В данном образе выражена надежда на приобретение посмертных благ по причине того, что в реальности они не значительны, если речь идёт о большинстве, или в связи с приобретением еще больших благ, когда идёт речь об элите и богатом слое населения того или иного общества, которые могли выкупить благосклонность посмертной судьбы не посредством праведных деяний в жизни, а «*правильного умирания*». Происходит переход от полной мужества и удовольствий жизни, призрающей смерть, к акцентированию умирания и ценности «последних слов и дел» умирающего. В отличие от Античности в Средние века жизнь становится ценной сама по себе. Даже лишенная нравственности, она не может быть насильно прервана, поэтому самоубийство было табуировано независимо от причины, побуждающей к нему.

Образ рациональной смерти развивается в Европе в эпоху Возрождения и Просвещения на фоне роста секуляризации смерти (ослабление сакрального элемента в системе восприятия смерти) и усиления протестантизма, который во главу угла ставит достойное

устройство земной жизни. Великая Французская революция показывает примеры отхода от религиозной практики захоронения и задаёт поиск светских способов обращения со смертью. Появляются новые праздники и обряды, свободные от религиозного учения и священников, регламентирующих «нормативный» компонент в смерти. Но эти нововведения не имели массового распространения среди населения и не всегда находили поддержку со стороны элиты, выражая часто маргинальные взгляды. Обоснование необходимости нового взгляда на смерть остаётся связанным с неустойчивой социально-политической ситуацией и не приводит к закреплению рациональных схем объяснения смерти, а потеря уважения к мёртвым становится слишком дорогой ценой для достижения целей всеобщего равенства и счастья. Ценность жизни определяется разумным способом организации самой жизни, и с его отсутствием перестаёт быть ценной.

Образ романтической смерти формируется как реакция на Просвещение. Ценность свободы и безграничные возможности разума подвергаются сомнению. Смерть романтизируется, а трагедия гибели любимого человека становится единственно важной. Любовь к Богу уступает место любви к его творениям, которая означает также стремление воссоединиться в мире мёртвых и быть продолжением земной любви. Образ романтической смерти является следствием разочарования в «безличной религиозной эсхатологии», которая не способна полноценно удовлетворить потребность народа в воссоединении со своими близкими. Усиленная романтизация смерти и свободы привела в конечном итоге к росту самоубийств, что неудивительно, поскольку праведность уступает место индивидуальным чувствам и симпатиям. Ценность жизни определяется способностью быть собой, устанавливать свою индивидуальность и в то же время принадлежать другому человеку.

Начиная с XIX в. идеи жертвенности, праведности, разумной организации жизни и воссоединения подвергаются существенной критике, а сопровождавшийся мировыми войнами XX в., показал, насколько «действительная» картина смерти отличается от предыдущих образов смерти, которые теперь кажутся иллюзиями, так долго прикрывавшими насилие, сопровождаемое смертью. Скрытая под покрывалом многих веков, смерть проявилась через не поддающуюся никакому осмыслению волну убийств людей людьми. Безусловно, войны всегда сопровождали мировую историю, но не было столько бесчеловечного насилия и в таких масштабах. Поэтому можно говорить о формировании *образа насильственной смерти*.

Появление образа насильственной смерти знаменует собой усиление табуирования темы смерти, которое характеризуется массовым распространением страха смерти. Она становится «безусловным злом», сопровождаемым бессмысленным насилием, перестаёт нести какое-либо этическое послание и смысл. Человек полностью принадлежит

тоталитарной системе, подавляющей его свободу, любые его социальные и экзистенциальные возможности. Территории кладбища перестают быть публичными и остаются только местом для выражения «быстрой скорби». Жизнь обесценивается в условиях потери всякого смысла жить в обществе, лишенном будущего. Присутствие образа насильственной смерти имеет следствием постоянное ожидание войны, конца света, Апокалипсиса и т. п.

Вторая глава «Социально-онтологический статус феномена смерти через призму представлений» реализует завершающий этап исследования, в котором обозначаются виды представлений о смерти и закладываются основы социальной онтологии смерти применительно к анализу современности и будущего общества.

В первом параграфе «Представления о смерти в контексте восприятия времени» рассматривается временной характер феномена смерти, который предполагает зависимость представлений о смерти от доминирующей в контексте эпохи, государства и народа модели восприятия времени.

Первая модель восприятия времени – циклическая. Она означает движение времени по единообразным циклам, повторяемость социальных процессов в обществе, заданных по единому ритму. В её контексте представления о смерти характеризуются как «*бытие-без-смерти*». Традиции полностью заполняют общественное пространство, а смерти отводится четкая роль. Страх перед смертью незначителен или отсутствует совсем. Смерть включена в жизненный цикл коллектива (государства, племени, сообщества и т.п.), не представляя собой сверхординарного события. Она полностью вплетена в коллективную жизнь. С гибелью одного человека целостность коллектива не должна нарушаться. Общество воспроизводит себя, заменяя мертвые элементы живыми. Такой процесс взаимоперехода смерти в жизнь «исключает» смерть. Мифо-абстрактная система восприятия, подчиненная цикличности, еще не позволяет развиваться страху перед будущим.

Следующая модель восприятия времени – линейная (векторная). Время устремлено от рождения мира к его концу. В контексте данной модели представления мы обозначаем как «*бытие-к-смерти*», при котором социальные процессы несут на себе печать кризиса, но одновременно с этим вызывают гедонистические устремления. Примером тому может служить искусство *macabre* – пляски смерти, а также многочисленные образы пира во время чумы, которые отражают жажду жизни (*avaritia*) в условиях постоянных смертей, свирепствующих эпидемий, кровопролитных войн. В круговороте жизни и смерти, танце живых и мертвых отмечается та же древняя цикличность, и все же она значительно отличается от бытия-без-смерти. Зависимость от традиции здесь слабее, чем в предыдущей модели, а приоритет отдается жизни вечной (будущей), а не наличной. Социальные вопросы, имеющие отношение к настоящей жизни, вызывают меньший интерес, чем приобретение посмертных благ в

будущем. Социальное освобождается от безграничной власти традиции. Поощряется «эсхатологическое чувство» – близость Апокалипсиса, ощущение конца мира и истории, «заката культуры».

Ещё одна модель восприятия времени – маятниковая, для которой характерны ритмичные колебания времени от одного полюса к другому (временные циклы разнообразны по амплитуде), но с тяготением к точке равновесия. Представления о смерти в контексте этой модели обозначены как *«бытие-от-смерти»* – возрастание скорости жизни, стремление избежать смертоносных процессов и связанных с ним событий. Маятниковое восприятие времени в современности проявляет себя в том, что, с одной стороны, сегодня человек может прожить действительно насыщенную долгую жизнь или несколько жизней, и в то же время из-за неправильного образа жизни, поведения, которое транслируется в качестве альтернативной нормы, он проживает её слишком быстро, делая жизнь предельно короткой. В погоне за жизнью человек упускает её, находясь в постоянном страхе перед настоящим, игнорируя будущее. Это новое коллективное чувство знаменует непрекращающуюся борьбу между традицией и новацией, индивидом и коллективом, массовым и индивидуальным, большинством и меньшинством. Кризис – не просто этап в существовании общества, как это видно в линейной модели, а постоянно присутствующее условие социального существования. Чем сильнее стремление к инновациям, тем большее распространение имеет впоследствии традиция. Связь с прошлым подлежит забвению или возносится определенный фрагмент из прошлого (избирательное «восстановление традиций»).

Уход темы смерти из общественного пространства подразумевает исключение её из семейной, индивидуальной жизни и вообще из биографии человека, истории. Неспособность к осознанному диалогу о смерти даже во время церемоний, специально для этого предназначенных, показывает, насколько быстро смерть перестает исполнять даже символическую функцию и превращается в пустое событие, которое насильственно призывает к размышлению о смерти, формированию опыта смерти. Чем больше тема смерти отдаляется от жизни общества, тем больше обнаруживается её «магическая привлекательность», что способствует развитию суицидального поведения, экстремизма, терроризма и др. неблагоприятных явлений жизни общества.

Во **втором параграфе «Роль смерти в общественном бытии современности»** анализируются социально-экономические изменения в современном обществе, которые приводят к *экономизации* (в том числе ускорению) события смерти. Услуги ритуальных агентств выходят на один уровень с любыми другими, где действуют законы конкуренции, а менеджеры осуществляют борьбу за своих клиентов, игнорируя этическое («интимное», индивидуальное) поле смерти, или буквально вторгаются в него. Это является вполне логичным следствием из развития рыночных

отношений, где образование, медицина и социальная помощь также становятся услугами. Личные, сокровенные переживания становятся типичными (массовыми), утрачивается «индивидуальный компонент» в событии смерти, который может проявиться разве что в «интересном» сочетании ритуальных услуг. Именно масса наиболее активно начинает вытеснять смерть из жизни общества, в то время как маргинальные группы поддерживают её притягательность, а элита (особенно политическая) не выработала адекватного ответа на табуирование и растабуирование темы смерти, что становится наиболее уязвимым местом в социальной политике любого государства.

С утратой веры в личное бессмертие начинают распространяться новые формы социального освоения пространства – «социальные эксперименты» с реальностью. Если люди лишены *memento mori* – «памяти о смерти», прижизненных размышлений о конечности всего сущего, то к индивидуальному сознанию предъявляются повышенные требования по творческой активности и образованию новых форм длительности, что мы называем *социальным экспериментированием* (постоянный поиск работы и отсутствие стабильной работы, рост разводов, потребление новых продуктов на рынке духовных услуг и др.).

С повышением скорости жизни неминуемо растет и скоротечность всех жизненных событий. Траур, считавшийся выражением глубочайшей тоски по умершему, становится весьма условным и даже лишним, если говорить о продолжительной поддержке эмоциональной связи с умершим. Бесспорно, право на скорбь все еще уважается, но лишь на скорую скорбь. Общество заинтересовано в том, чтобы обессмертить человека, а затем табуировать тему смерти.

Мы можем говорить о необходимости трансформации общественного сознания, благодаря чему смерть должна стать осознанной проблемой общественного бытия. Это подразумевает снятие табу с темы смерти, а также пересмотр ключевых аспектов социального в пользу дружественной кооперации между людьми в обществе. Основным результатом, преследуемый данными изменениями, – не создание идеального общества, а формирование «танатического диалога», способности членов общества говорить и мыслить о смерти без страха; распространение «танатологической грамотности» как на уровне естественнонаучных знаний о смерти, так и социально-гуманитарных, необходимых для превенции медиа-искажений и политических спекуляций над героической смертью и т.п. Задача общества – попытаться рассмотреть смерть не с позиции умирания и выяснения причин смерти отдельных людей, а научиться думать о смерти, приостанавливая бесконечный ход социальной машины и освобождая время для себя.

В третьем параграфе «Социальная онтология смерти в перспективе будущего» представлен вариант современной социальной онтологии смерти. Обосновываются идеи, согласно которым феномен

смерти в современности *медикализируется* (смерть как болезнь). Событие смерти связывается с больничной инфраструктурой, максимальным продлением и поддержанием физического существования. Больница становится последним рубежом борьбы или примирения со смертью. Часто именно больницы предоставляют помещения для прощания с умершим. Страх смерти распространяется с такой силой, что его не способна преодолеть религиозная эсхатология, а умершие остаются в структуре жизненного мира только в той степени, в какой жива память о них. В связи с ростом социального в жизни современного человека смерть располагается теперь не только на территории сакрального пространства культовых зданий, но также обосновывается в интернет-пространстве, закрепляя **образ виртуальной смерти** (псевдосмерти). Попытки религиозных институтов вернуть сакральность теме смерти не всегда приводят к успешным результатам.

Потребность в разработке концепции социальной онтологии смерти определяется необходимостью дать понимание происходящим сегодня кризисным событиям в жизни российского общества (распространение «групп смерти» 2015 г., теракт в Санкт-Петербурге 2017 г., пожар в Кемерово 2018 г., массовое убийство в Керчи 2018 г. и др.). Эти события являются не просто единичными фактами, а представляют сбой во всей системе общественной безопасности. Так, нарушение правил пожарной безопасности – это преступная халатность, свидетельствующая о существенном изменении представлений о смерти в пользу полного подчинения человеческой жизни системе государственного управления. Право на жизнь является сугубо декларативным, если человек при этом не имеет возможности направлять, организовывать, проявлять свободу и ответственность в пространстве личной и общественной жизни. А это возможно только в условиях равенства не только в смерти, но и перед смертью, когда смерть человека не зависит от внешней социально-политической конъюнктуры, а определяется им самим на основе свободных решений и доступности общественных благ – развитой системы медицинской помощи, образования и др. Участвовавшие в разных странах массовые убийства в школах свидетельствуют о тенденции деградации всего общества и отдельных его институтов – семьи, школы. Смерть людей всё чаще становится единственным способом привлечения внимания общества к происходящим проблемам, но вместо их решения и конкретных предложений возрастает общественная истерия по поводу поиска виновных. В то время как в проблемах общественной жизни каждый человек должен принимать ответственность на себя.

В конечном итоге, обесценивание человеческой жизни является следствием неверного выбора курса социальной политики, устремленной к маскировке социальных проблем, а не к их преодолению. Социальное решение упомянутых выше кризисных событий не может определяться только существующей политикой компенсаций. Значимость жизни и

смысл смерти определяется силой социальных установлений, которые распространяются на современное общество, определяя структурные сдвиги в его жизни. Следовательно, главный вопрос состоит в том, изменилось ли что-либо после этих трагедий и что именно изменилось? Социальный гуманизм изменяется в сторону максимального расширения – ценной становится любая жизнь, что приводит к постоянным дискуссиям в области биоэтических проблем, связанных со смертью и умиранием (право и запрет на эвтаназию, аборты и т.п.). Обеспечение социальной безопасности и равенства связано с активным формированием и поддержкой институтов гражданского общества, которые определенно должны иметь большее влияние на политические решения. Каждый человек должен сделать все возможное для максимального освоения экзистенциального пространства совместно с другими людьми, постоянно обучаясь солидарности, сопричастности бытию друг друга. Чувство принадлежности и коллективной идентичности является наиболее доступной мерой профилактики социальных трагедий.

Социально-философское осмысление представлений о смерти стало возможным в период, когда кризис стал характерной чертой всего общества в целом, а не отдельного этапа его развития. На наших глазах вырастает новый социальный мир, который знаменует бытие-со-смертью – осмысленное отношение к смерти. В качестве мер, способствующих положительному сценарию развитию общества, отметим: 1) исключение тоталитарных элементов в социально-политической жизни в виде насилия традиций и клерикальных установок; 2) общественный контроль за трансгуманистическим проектом по изменению человека, а также отсутствие искусственно созданных препятствий к нему; 3) распространение идеала не «безболезненной смерти», а «свободной смерти», избираемой человеком самостоятельно в соответствии со своим «правом на смерть».

В **Заключении** подведены итоги исследования. Разработанная модель анализа представлений о смерти показала свою работоспособность на конкретном материале, позволив выявить пространственный аспект феномена смерти – событие смерти, а также временной – образ смерти. Смерть является значимым событием как в жизни отдельных людей, столкнувшихся с ситуацией утраты, так и общества в целом, выполняя свою структурирующую функцию.

Модель позволила объяснить, что усиленный интерес к теме смерти возник как следствие огромного по своим масштабам страха перед смертью, тотальной неготовности умирать и одновременно – открывшейся свободой, возрастанием уровня ответственности за время жизни. Тотализация бытия – реалья ближайшего прошлого и настоящего, где постоянно расширяется пространство свободы и одновременно открывающийся ужас перед ней. Это обуславливает потребность в стабильной системе внешнего смыслопорождения – тоталитарной системе.

Данный аспект просматривается как в политике, так и медиа-среде, транслирующей готовые ценности бытия, главная из которых – стремление к более комфортной жизни, лишенной боли, а в конечном итоге и смерти.

Активное право на смерть – социальное разрешение и оправдание желанной смерти для человека, что делает смерть предпочтительной. Пассивное же право на смерть – осознание причин, которые могут привести к желанию выбора смерти в качестве альтернативы жизни и поиск способов регулирования экзистенциального сценария. Право на эвтаназию, самоубийство, аборт, – личное, но оно имеет ряд социальных последствий, что необходимо учитывать при узаконении права на смерть. Человек должен обладать этим правом, равно как и правом на жизнь, но только для того, чтобы иметь возможность изменить свою жизнь к лучшему. Лишение жизни человека, который болен неизлечимой формой болезни, по его собственному желанию, лишает его рефлексии, экзистенциального постижения своей жизни, самоустановления. По той же причине не может быть предпочтителен суицид. На активное право на смерть может быть похож аборт, поскольку ребенок в утробе матери ничего не лишен, кроме будущего, которым никогда и не обладал. Однако экзистенциальный потенциал, который есть у ребенка в утробе матери, стоит того, чтобы предпочесть жизнь. Задача институтов социальной политики сделать все, чтобы предотвратить смерть, не ущемляя свободу.

В обществе необходимы изменения по различным направлениям, включающим поощрение искусства, ориентированного на проблемы общества, тему смерти; развитие танатологии как науки; восстановление связи между поколениями и «танатической памяти» (забота о культурном наследии); философско-правовое исследование категории «право на смерть» и её правоприменительного потенциала; «танатологическое просвещение» и формирование грамотности по теме смерти с помощью институтов образования, социальной защиты.

Такая, по сути, практическая танатология требует дальнейшего исследования и углубления социально-философского анализа смерти. Необходимо проведение социального мониторинга и социологических исследований, позволяющих на конкретной эмпирической базе отслеживать современное состояние элитарных, массовых и маргинальных представлений о смерти. В области социальной философии нужно расширить категориальную базу и осуществлять поиск новых источников для исследования. На сегодняшний день остаются мало проработанными вопросы социальной политики в области развития и сохранения танатической памяти, роли смерти в пространственном облике города (села), социальной эсхатологии. Это означает, что тема смерти не просто не исчерпана, но требует новых подходов и идей, способных укрепить научный статус и прикладной характер социально-философского исследования феномена смерти.

Содержание диссертационного исследования отражено в 9 публикациях автора общим объемом 4,4 п.л. Среди них:

Статьи, опубликованные в журналах, рецензируемых ВАК:

1. Борисов Н. А. Социальные аспекты религиозных и атеистических представлений о смерти // *Философия и культура*. 2017. № 5. С. 98–109. DOI: 10.7256/2454-0757.2017.5.20329 (0,8 п.л.)

2. Борисов Н. А. Общество без смерти, или гегемония социального // *Вестн. Том. гос. ун-та. Философия. Социология. Политология*. 2017. № 39. С. 68–77. DOI: 10.17223/1998863X/39/8 (0,7 п.л.)

3. Борисов Н. А. Феноменологическая модель анализа социальных представлений о смерти // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Философия*. 2017. Т. 21. № 4. С. 582–591. DOI: 10.22363/2313-2302-2017-21-4-582-591 (0,7 п.л.) (Журнал индексируется в международной базе данных Web of Science)

4. Борисов Н. А. Темпоральность смерти в её связи с социальным становлением // *Философская мысль*. 2018. № 2. С.53–59. DOI: 10.25136/2409-8728.2018.2.22187 (0,5 п.л.)

Статьи, опубликованные в других журналах и изданиях:

5. Борисов Н. А. Смерть как объект исследования в социально-гуманитарных науках // *Человек, общество и государство в современном мире : сборник научных трудов международной научно-практической конференции : в 2 т. – Пенза : Изд-во Пенз. гос. технол. ун-тет., 2016. – Т. 2. С. 199–202 (0,1 п.л.)*

6. Борисов Н. А. Социальная смерть и социальность смерти // *Человек в мире. Мир в человеке: актуальные проблемы философии, социологии, политологии и психологии : материалы XIX Междунар. науч.-практ. конф. студ., асп. и молодых ученых. – Пермь, 2016. С. 10–17 (0,3 п.л.)*

7. Борисов Н. А. Конец истории и смерть человека // *Философия времени: онтологические начала и ценностные дискурсы : сборник научных трудов Всероссийской конференции. – Саратов : КУБиК, 2017. С. 109–114 (0,3 п.л.)*

8. Борисов Н. А. Секуляризация смерти в прошлом и современности // *Южный полюс. Исследования по истории современной западной философии*. 2017. Том 3 (1). С. 72–81 (0,5 п.л.)

9. Борисов Н. А. Футурология смерти в опыте повседневности // *Человек и общество в контексте современности. Философские чтения памяти профессора П. К. Гречко : сборник материалов Всероссийской научной конференции с международным участием : в 2 т. – М. : Изд-во РУДН, 2017. – Т. 1. С. 238–248 (0,5 п.л.)*